

должно было быть проникновение Днепрбалтов в область культуры стрихкерamik. В середине I тысячелетия н. э. возникло в Дзенагетии колочинская культура, которая имеет много сходства с тусчелю-банзеровичской культурой. Также, в третьем четверти I тысячелетия н. э. были в Дзенагетии группы балтов на всем протяжении по течению Днепра и в одной части Полоцко-Витебского района у дельты (Abb. 2). Подобная культура имеет слабо профилированную керамику и надземные столбовые дома, но также и углубленные строения с центральными столбами, т. е. встречаются плоские захоронения с кремацией и бедные захоронения.

В VI–VII вв. должно было быть проникновение славян в область Днепрбалтов.

К ВОПРОСУ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЛИТВЫ I–VIII вв. н. э.

Р. Волкайте-Куликаускаене (Вильнюс)

Выяснение этнической принадлежности отдельных археологических культур — одна из важнейших задач археологии. Этническими проблемами археологи начали заниматься с середины XIX в. К этому периоду относятся первые попытки выяснить время появления балтов на территории Восточной Прибалтики, а также определить их отдельные племенные объединения. Большое внимание этому вопросу уделялось в 20–30-е гг. XX в., но особенно широко он изучался после второй мировой войны. За это время накопилась обширная литература по этническому вопросу [1, с. 7–12]. Однако несмотря на крупный вклад ученых в исследование данного вопроса, он далеко еще не решен. Сложность проблемы, а также новые археологические материалы требуют дальнейшей разработки и дополнений. Новые данные позволяют точнее охарактеризовать отдельные археологические культуры, проследить их эволюцию и попытаться сопоставить их с культурой племен, известных из письменных источников.

Была предпринята попытка определить этническую принадлежность грунтовых могильников центральной и прилегающей к ней части западной Литвы I–VIII вв. н. э.

Племенные объединения на современной территории Литвы выделяются с первых веков н. э., о чем свидетельствуют ярко выраженные отдельные археологические культуры. На литовском побережье найдены грунтовые могильники, обложенные каменными венцами, захоронение в которых было совершено по обряду труположения, на севере Литвы — курганы с труположением, на востоке — культура штрихованной керамики, хорошо известная по исследованиям городищ, на юго-западе — каменные погребения. Для нас представляет интерес этническая принадлежность и дальнейшая судьба культурной группы центральной Литвы, где обнаружены грунтовые могильники первых веков н. э. без внешних устройств [2, с. 81–82, рис. 2]. Этническая принадлежность культуры грунтовых могильников центральной Литвы вызывает оживленные споры исследователей.

Самые ранние грунтовые могильники с труположениями в центральной Литве датируются I–IV вв. н. э. Они расположены в низовьях рек Нявежис и Нярис до Дубисы на западе. Южной границей является Нямунас (Неман). Ныне здесь насчитывается до 10 исследованных грунтовых могильников (рис. 1): Саргенай, Вяршвай (на территории Каунаса), Кремала и Крувандай Каунасского р-на, Раудоненай, Велюона, Сярджюс Юрбаркского р-на и др. К северу господствуют курганные

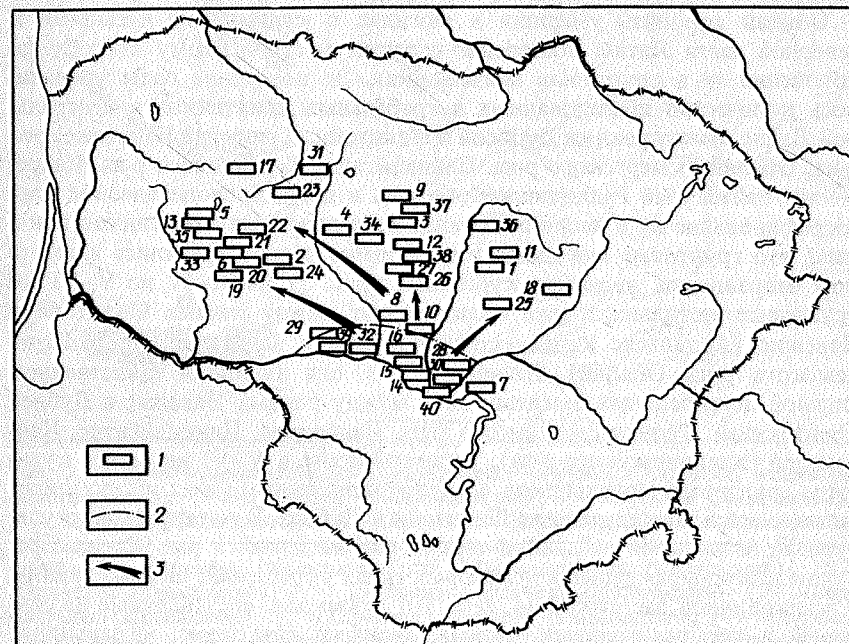

Рис. 1. Грунтовые могильники I–VIII вв. н. э. в центральной и западной Литве: 1 — грунтовые могильники; 2 — граница наиболее ранних (I–IV вв. н. э.) грунтовых могильников с труположениями; 3 — направление распространения грунтовых могильников из древнего центра. Обозначенные на карте могильники: 1 — Аншишкис (Кедайский р-н); 2 — Антигинкай (Шилальский); 3 — Аугменай (Радвилишский); 4 — Будрайчяй (Кельмеский); 5 — Бурбишкяй (Шилальский); 6 — Даргалай (Шилальский); 7 — Эйгуляй (Каунасский); 8 — Гелува (Расейнский); 9 — Гимбогала (Радвилишский); 10 — Граужяй (Кедайский); 11 — Гринюнай (Паневежский); 12 — Кайренеляй (Радвилишский); 13 — Каштауналяй (Шилальский); 14 — Кремала (Каунасский); 15 — Крувандай (Каунасский); 16 — Лауксвидай (Каунасский); 17 — Мауджюрнай (Кельмеский); 18 — Обяляй (Укмергский); 19 — Паэжерис (Шилальский); 20 — Пагрибис (Шилальский); 21 — Паижинис (Шилальский); 22 — Пакальнишкяй (Шилальский); 23 — Паклибакяй (Кельмеский); 24 — Пашешувис (Расейнский); 25 — Пашете (Кедайский); 26 — Пашувис (Кедайский); 27 — Плинкайгалис (Кедайский); 28 — Радиняй (Каунасский); 29 — Раудоненай (Юрбаркский); 30 — Саргенай (Каунасский); 31 — Саугиняй (Шяуляйский); 32 — Сярджюс (Юрбаркский); 33 — Шаркай (Шилальский); 34 — Шаукотас (Радвилишский); 35 — Шядува (Шилальский); 36 — Упите (Паневежский); 37 — Вайнюнай (Радвилишский); 38 — Вайтекунай (Радвилишский); 39 — Велюона (Юрбаркский); 40 — Вяршвай (Каунасский).

могильники этого же времени. Так, в верховьях р. Нявежис известны такие курганные группы, как Пакальнишкяй, Берчюнай Паневежского р-на, в среднем течении р. Дубиса — Ринкшелай, Сандраушишке Расейнского р-на, Куршяй Кельмеского р-на и др. Несмотря на внешнее различие могильников, внутреннее устройство могил, а также инвентарь и в грунтовых могильниках, и в курганах очень близки. Одинаков и антропологический тип — массивный долихокраний узколицый [3, р. 92–99].

Обычай хоронить умерших в могилах с курганными насыпями в северной части Литвы постепенно уступал место другому способу захоронения — в грунтовых могильниках. За последние годы увеличилось количество исследованных погребальных памятников в центральной Литве между реками Дубисой и Швянтойи (Гринюнай Паневежского р-на, Обяляй Укмергского р-на, Плинкайгалис Кедайнского р-на, Кайренелай, Вайтекунай Радвилишского р-на и др.). Хронологическое картографирование их и несколько ранее исследованных памятников показало, что грунтовые могильники постепенно распространялись в северном направлении, вытесняя курганные (рис. 1). С III–IV по V–VI вв. грунтовые могильники уже господствуют между реками Швянтойи и Нявежис (Анцишкис Кедайнского р-на, Пашете, Гринюнай, Упите Паневежского р-на, Обяляй). Начиная с V в. они являются единственной формой погребальных памятников и между реками Нявежис и Дубиса (Вайтекунай, Гелува Расейнского р-на, Пашушвис, Плинкайгалис, Кайренелай Радвилишского р-на). Таким образом, в V–VI вв. центр культуры грунтовых могильников с труположениями уже гораздо шире: он находится между реками Швянтойи и Дубиса. В материальной культуре этого времени на данной территории выделяется ряд общих черт, лучше всего выраженных в некоторых типах украшений: шейные гривны с ложковидной застежкой [4, жем. 10], ожерелья, составленные из спиралей и четырехугольных парных висящих пластинок, украшенных металлотисненным орнаментом [4, жем. 3], арбалетовидные фибулы с треугольной ножкой [4, жем. 27], некоторые типы булавок [4, жем. 41] и др.

Постепенно носители данной культуры распространяются и в северо-западном направлении: с V–VI по VII–VIII вв. грунтовые могильники уже преобладают (рис. 1) между реками Дубиса и Юра (Пагрибис, Каштауналяй, Паэжерис Шилальского р-на, Паклибакяй, Саугиняй Шяуляйского р-на, Мауджиорай Кельмеского р-на и др.). Этот процесс отражают не только хронологически более поздние грунтовые могильники, но и некоторые элементы материальной культуры. Напр., некоторые типы булавок с расширяющимися трубковидными головками (более ранний вариант) характерны для центральной Литвы, а булавки с дисковидными плоскими головками (более поздний вариант того же типа) шире всего распространены в западной Литве [4, жем. 45]. Это особенно заметно и по своеобразным крупным бронзовым спиральям, служившим головными украшениями женской прически, которые распространяются из центральной Литвы в западные ее районы (рис. 2). Позднее

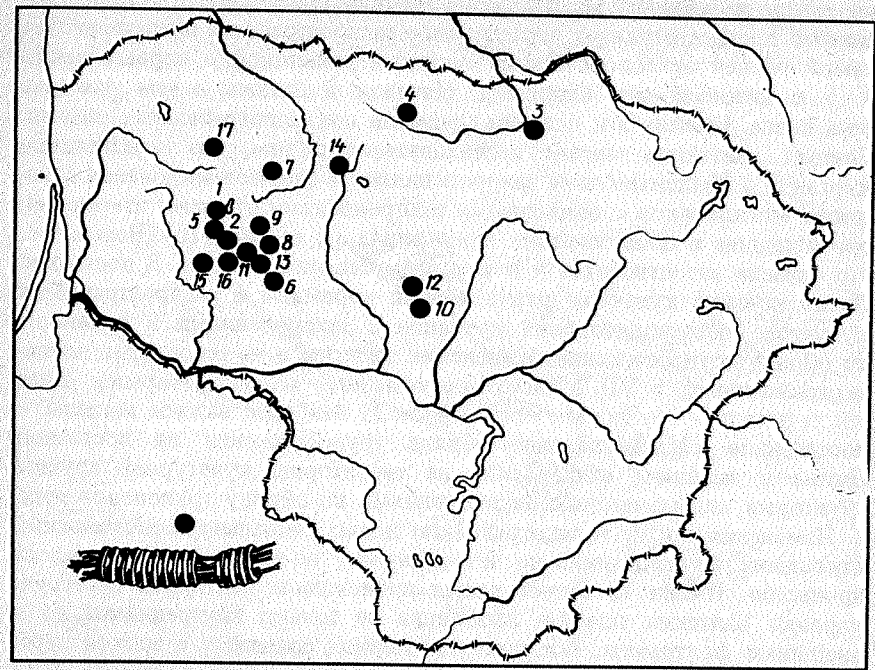

Рис. 2. Распространение головных украшений — крупных спиралей, найденных в могильниках: 1 — Бурбишкяй (Шилальский р-н); 2 — Даргаляй (Шилальский); 3 — Дауенай (Пасвальский); 4 — Яунейкяй (Йонишкский); 5 — Каштауналяй (Шилальский); 6 — Лингю Фермос (Шилальский); 7 — Мауджиорай (Кельмеский); 8 — Пагрибис (Шилальский); 9 — Пакальнишкяй (Шилальский); 10 — Пашушвис (Кедайнский); 11 — Паупинис-Медседжяй (Шилальский); 12 — Плинкайгалис (Кедайнский); 13 — Паэжерис (Пожере) (Шилальский); 14 — Саугиняй (Шяуляйский); 15 — Шаркай (Шилальский); 16 — Шяудалаяй (Шилальский); 17 — окрестности г. Тельшяй (Тельшяйский)

центром их распространения явилась территория между реками Дубиса и Юра.

Таким образом, грунтовые могильники с труположениями в V–VIII вв. уже расположены широкой полосой с востока на запад между реками Швянтойи и Юра (рис. 1). Нет сомнения, что они составляют одну культурную группу, о чем свидетельствует общий погребальный обряд и наличие на данной территории Литвы племен одного антропологического типа с некоторыми локальными вариантами. Этот тип отличался массивной высокой, резко долихокраний мозговой частью черепа и сравнительно узким, резко профилированным лицом [5, с. 86].

В V–VIII вв. на всей территории балтов наблюдаются некоторые передвижения племенных групп, изменения в материальной и духовной культуре, что, безусловно, повлияло и на представителей культуры на исследуемой территории. В это время заметно меняется археологическая карта и на территории современной Литвы. В северной ее части

на смену курганным могильникам пришли грунтовые. По-видимому, данный процесс отражает постепенное распространение представителей самой ранней археологической культуры, известной с первых веков н. э. в низовьях рек Швянтойи, Нявежис и Дубиса, о чем уже шла речь выше. Именно эти племена принесли новые погребальные обычаи. Следует учитывать мнение исследователей о том, что исчезновение курганов с коллективными захоронениями за счет возникновения грунтовых могильников с одиночными захоронениями отражает изменения, происшедшие в общественных отношениях [6, с. 109—110]. Возможно, что отчасти это относится и к курганам северной Литвы. В восточной Литве исчезает культура штрихованной керамики и распространяется культура восточнолитовских курганов с захоронениями в основном по обряду трупосожжения. Изменения заметны и на территории литовского взморья: с VII в. исчезают каменные венцы, которыми ранее обкладывались грунтовые могильники. И наиболее важное явление — постепенное распространение обряда трупосожжения из восточной Литвы в западном направлении на территорию культурной группы грунтовых могильников с захоронениями по обряду труположения.

Изменения эти не только результат новых социально-экономических отношений и верований, но и отражение, по-видимому, этнических процессов. Именно в данное время происходила некоторая перегруппировка балтских племен, вызванная не только внутренними, но и внешними факторами, так как этот период совпадает с эпохой переселения народов, во время которого в Восточной Европе происходили сложные этнические процессы. Важным фактором было проникновение славян в балтскую среду. Кроме продвижения на юг, славяне расселились в северном и восточном направлениях на территории, занимаемой балтоязычными и финно-угорскими племенами [7, с. 226]. Начиная с VI—VII вв. на территории расселения днепровских балтов отчетливо фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян в балтскую среду [8, с. 39—40]. Процесс этот не мог не затронуть и другие балтские племена.

Вкратце остановимся на распространении обряда трупосожжения. Как уже упоминалось, в курганах восточной Литвы данный погребальный обряд преобладал с V—VI вв. Отсюда постепенно он распространяется в западном направлении на территорию грунтовых могильников (рис. 3). Раньше всего обряд трупосожжения в области грунтовых могильников появляется в низовьях рек Нявежис, Нярис и Дубиса, в среднем течении р. Нямунас, там, где наблюдалось распространение наиболее ранних грунтовых могильников центральной Литвы (Вершвай, Эйгуляй, Середжюс). В то же время отдельные трупосожжения отмечены в ряде грунтовых могильников, расположенных между реками Швянтойи и Дубиса (Гринюнай, Пашушвис, Плинкайгалис, Кайренеляй). В этом, по-видимому, отражается процесс влияния племен, оставивших восточнолитовские курганы, на племена центральной Литвы. Подобное влияние видно и в отдельных элементах материальной культуры. Так, напр., из восточной Литвы в центральную постепенно

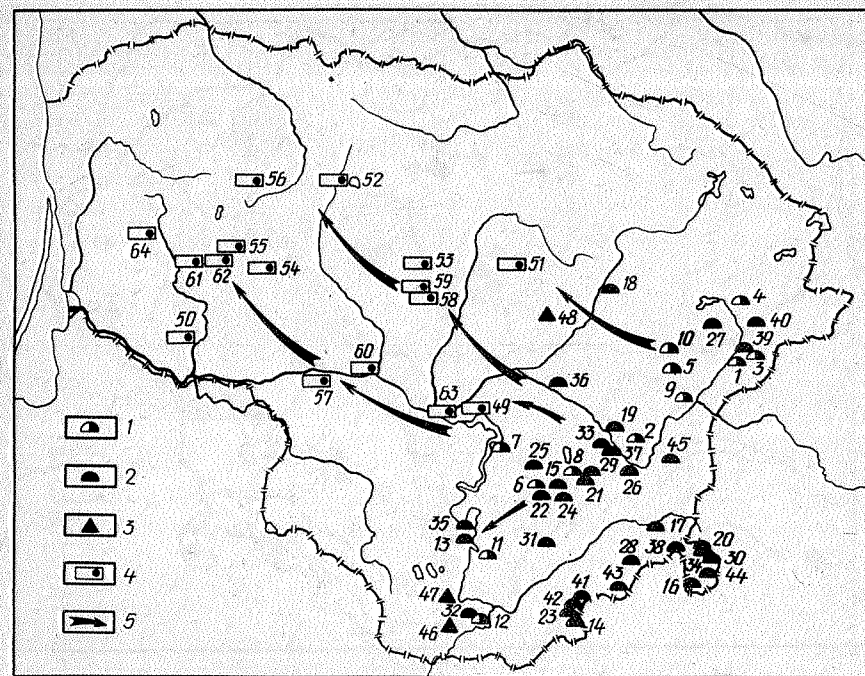

Рис. 3. Распространение могильников с труположениями в V—VIII вв.: 1 — курганы с захоронениями по обряду трупосожжения и труположения; 2 — курганы с трупосожжениями; 3 — типы погребальных памятников неясны; 4 — грунтовые могильники с трупосожжениями; 5 — направление распространения могильников с труположениями. Обозначенные на карте могильники: 1 — Антасаре (Швенчёнский р-н); 2 — Аукштейи Русокай (Вильнюсский); 3 — Борава (Швенчёнский); 4 — Цегелне (Паваюонис) (Игналинский); 5 — Дягсне (Моветский); 6 — Эйтуленис (Тракайский); 7 — Майсеюнай (Кайшядорский); 8 — Мустяняй (Тракайский); 9 — Парайсий (Вильнюсский); 10 — Рудяса (Моветский); 11 — Слабаделе (Алитусский); 12 — Вилькяутинис (Варенский); 13 — Алитус; 14 — Багочяй (Варенский); 15 — Бейжионис (Жидишкес) (Тракайский); 16 — Девянишкес (Шальчининский); 17 — Яшюнай (Шальчининский); 18 — Юдинис (Аникшийский); 19 — Кармазинай (Вильнюсский); 20 — Каткушкес (Шальчининский); 21 — Курганай (Вараншкес) (Тракайский); 22 — Лаваришкес (Тракайский); 23 — Мицконис (Варенский); 24 — Моша (Скребио мишкас) (Тракайский); 25 — Немайтонис (Кайшядорский); 26 — Неравай-Мисионарка (Тракайский); 27 — Паалдикис (Швенчёнский); 28 — Пабаре (Шальчининский); 29 — Падваришкес (Тракайский); 30 — Пагиняй (Боровка) (Шальчининский); 31 — Памусяй (Варенский); 32 — Папишкес (Варенский); 33 — Попай (Вингеляй) (Тракайский); 34 — Пошконис (Шальчининский); 35 — Пуниос шилас (Алитусский); 36 — Русю рагас (Ширвинтский); 37 — Саусяй (Безводна) (Тракайский); 38 — Стакай (Шальчининский); 39 — Судота (Швенченский); 40 — Веравай (Швенчёнский); 41 — Версека (Шальчининский); 42 — Версекеле (Шальчининский); 43 — Вилконис (Шальчининский); 44 — Забелишкес (Шальчининский); 45 — Жвирбляй (Вильнюсский); 46 — Казюляй (Лаздийский); 47 — Крикштонис (Лаздийский); 48 — Памангейкяй (Укмергский); 49 — Эйгуляй (Каунасский); 50 — Грейженай (Таурагский); 51 — Гринюнай (Паневежский); 52 — Якштайчяй (Шяуляйский); 53 — Кайренеляй (Радвилшкский); 54 — Мауджюрорай (Кельмский); 55 — Пагрибис (Шилалский); 56 — Паижнис (Шилутский); 57 — Пакальнишкяй (Шакайский); 58 — Папушвис (Кедайшкский); 59 — Плинкайгалис (Кедайшкский); 60 — Сяряджюс (Юрбаркский); 61 — Шаркай (Шилалский); 62 — Шяудаляй (Шилалский); 63 — Вяршвай (Каунасский); 64 — Вилку кампас (Шилутский).

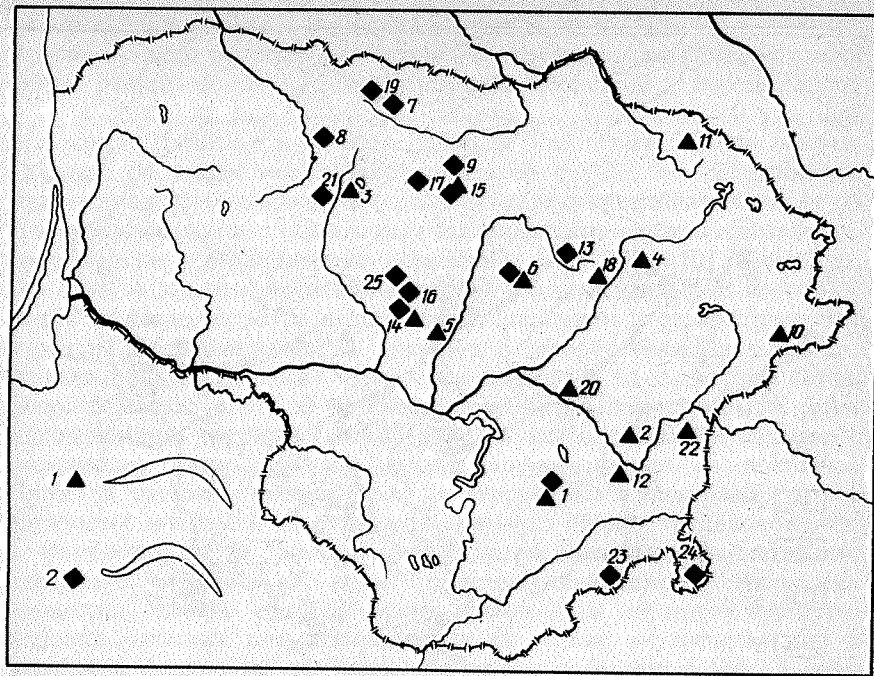

Рис. 4. Серпы литовского типа: 1 – ранний тип (серповидные ножи); 2 – поздний тип (серпы с отогнутой вершиной) из могильников: 1 – Аукштагварис (Гракайский р-н); 2 – Аукштагварис Русокай (Вильнюсский); 3 – Бубляй (Шяуляйский); 4 – Диктарай (Аникшайский); 5 – Граужай (Кедайнский); 6 – Гринюнай (Паневежский); 7 – Яунейкяй (Йонишкский); 8 – Курмайчяй (Линксменай) (Шяуляйский); 9 – Линксмучяй (Пакруойский); 10 – Межёнис (Швенчёнский); 11 – Мошкенай (Рокишкский); 12 – Наравай (Тракайский); 13 – Пакритижис (Паневежский); 14 – Пашушвис (Кедайнский); 15 – Плаушишкяй (Пакруойский); 16 – Плинкайгалис (Кедайнский); 17 – Рагиненай (Радвилашкский); 18 – Рикликай (Аникшайский); 19 – Рудишкяй (Йонишкский); 20 – Русю Рагас (Ширвинтский); 21 – Саугиняй (Шяуляйский); 22 – Варашнишкес (Вильнюсский); 23 – Вилконис (Шальчининкский); 24 – Забелишкес (Шальчининкский); 25 – Кайренеляй (Радвилашкский)

распространяются серпы литовского типа (рис. 4), узколезвийные топоры [4, žet. 62] и др. Отмечено и противоположное явление: некоторые типы украшений, распространенные в центральной Литве, такие, как шейные гривны с ложковидными концами, височные кольца, стали применяться в области восточнолитовских курганов.

Таким образом, со второй половины I тысячелетия н. э., несмотря на внешние различия погребальных памятников, вследствие обоюдных контактов населения центральной и восточной Литвы создается основа для формирования древнелитовской народности. Этот процесс развивается в конце I–начале II тысячелетия [9, с. 31–46]. Процесс формирования древнелитовской народности ярко отражается в дальнейшем

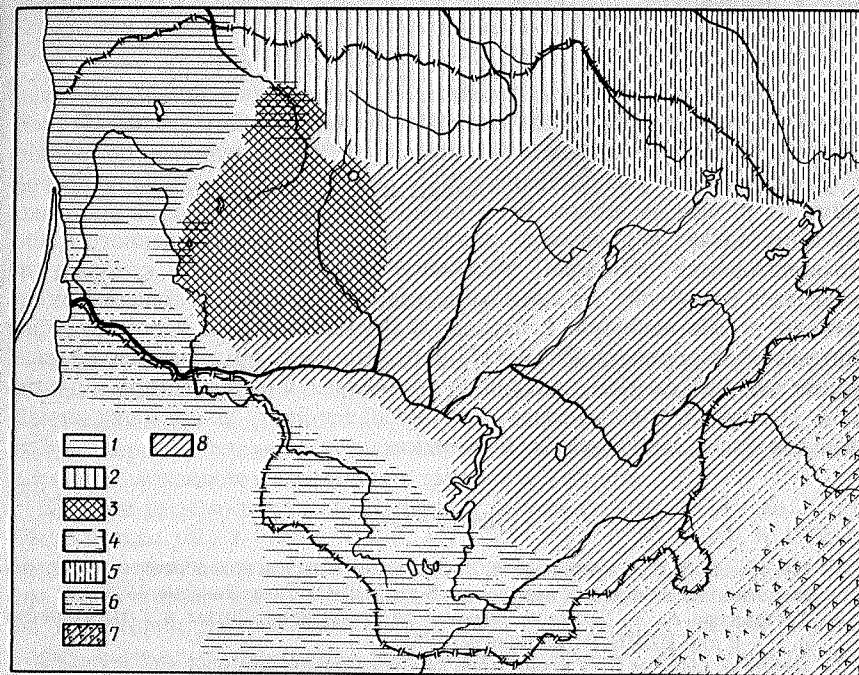

Рис. 5. Племенные объединения и народности в IX–XII вв. на территории Литвы: 1 – курши; 2 – земгалы; 3 – жемайты; 4 – скальвы; 5 – селы; 6 – ятвяги; 7 – инфильтрация восточных славян на территории литовцев; 8 – литовцы (аукштайты)

распространении обряда трупосожжения в центральной Литве, который здесь, как и в восточной Литве, уже стал господствующим.

Иначе складывается судьба населения, оставившего грунтовые могильники между реками Дубиса и Юра. Отдельные трупосожжения (см. рис. 3) появляются и на данной территории, но значительно позже. Лишь единичные случаи захоронения по обряду трупосожжения отмечены в могильниках, датируемых V–VI вв. Этот обряд проник, по-видимому, уже из центральной Литвы вместе с продвигающимся на запад населением. Но обряд трупосожжения на данной территории не распространяется, как в центральной Литве. Господствующим погребальным обрядом здесь вплоть до образования Древнелитовского государства остается труположение.

Таким образом, в конце I–начале II тысячелетия н. э. между реками Дубиса и Юра выделяется яркая культурная группа с рядом отличительных признаков: здесь дольше преобладает обряд труположения [10, р. 34, 35], имеются своеобразные символические захоронения коней [11, р. 58], характерный женский костюм [10, р. 35]. Лишь эта часть культуры грунтовых могильников полностью сохранила свои древние традиции в материальной и духовной культуре (рис. 5). Не без осно-

вания данная культурная группа причисляется к жемайтам [2, с. 85; 10, р. 36].

Таким образом, древнейший центр культуры первых веков н. э. находился между средним течением р. Нямунас на юге и низовьями рек Швянтойи и Дубиса. По-видимому, ее надо считать пражемайтской. Именно отсюда грунтовые могильники с захоронениями по обряду труположения распространялись в северном и западном направлениях до р. Юра на западе. Но в период переселения народов восточная их часть попала под сильное влияние населения, представленного в восточнолитовских курганах, этническая принадлежность которых не вызывает сомнений: это древние литовские племена, постепенно включившие в себя население центральной Литвы и ставшие ядром будущей литовской народности [9, с. 41]. Западная часть пражемайтского населения осталась самостоятельной со своеобразной материальной и духовной культурой. Именно здесь сформировался центр позднейших жемайтов, известных в письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мугуревич Э. С., Таутавичюс А. Э. Состояние и задачи археологического изучения этногенеза балтских народов. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
2. Таутавичюс А. Э. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
3. Česnyš G. Lietuvos II–V a. plokštinių kapinynų žmonės (antropologinė apybraiža). — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
4. LAA. — V.: Mokslas, 1978, t. 4.
5. Чеснис Г. А. Антропологическая карта Литвы I половины I тысячелетия н. э. в связи с этногенезом некоторых балтских племен. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
6. Моора Х. А. Возникновение классового общества в Прибалтике. — СА, 1953, № XVII.
7. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
8. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982.
9. Волкайте-Куликаускаене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии). — СЭ, 1979, № 3.
10. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX–XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
11. Vaitkunskienė L. Žirgų aukos Lietuvoje. — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.

ZUR FRAGE DER ETHNISCHEN ZUGEHÖRIGKEIT DER FLÄCHGRÄBERFELDER ZENTRAL- UND WESTLITAUENS IM 1.–8. JH. U. Z.

R. Volkaitė-Kulikauskienė

Zusammenfassung

Aufgrund der archäologischen Daten (Typen der Grabdenkmäler, Elemente der materiellen und geistigen Kultur) wird die Schlussfolgerung gezogen, dass das ursprüngliche Zentrum der Ansiedlung der Urshemaiten (1.–4. Jh. u. Z.) sich im Gebiet der Flachgräberfelder mit Skelettgräbern zwischen den Flussunterläufen der Neris und der Dubysa befand (Karte Nr. 1). In der Mitteleisenzeit (5.–8. Jh. u. Z.) breitete sich ein Teil dieser Bevölkerung nach Norden aus. Damals lag das Zentrum der genannten Kultur schon

bedeutend weiter: es befand sich zwischen den Mittelläufen der Flüsse Šventoji und Dubysa. Der östliche Teil dieser Kultur floss allmählich in die Kultur der ostlitauischen Grabhügel mit Brandbestattungen ein, was sich besonders in der Verbreitung des Leichenbrandrituals ausserte. Ein anderer Teil der Bevölkerung mit genannter Kultur bewegte sich in nordwestlicher Richtung bis zum Fluss Jūra. In der Späteisenzeit (9.–12. Jh. u. Z.) tritt das Gebiet der Flachgräberfelder mit Skelettgräbern zwischen den Flüssen Dubysa und Jūra deutlich hervor. Die Bevölkerung dieses Gebietes, die die Eigenart ihrer materiellen und geistigen Kultur bewahrt hatte, bildete das Zentrum der Shemaiten, die aus den späteren schriftlichen Quellen bekannt sind.

К ВОПРОСУ ЭТНОГЕНЕЗА ЛАТГАЛОВ

Э. Шноре (Рига)

История формирования известного по письменным источникам XII в. племени латгалов сложна и связана с историей племени селов. Археологически их памятники, как и близко родственного племени селов, первой половины I тысячелетия н. э. представлены курганами с каменным венцом у основания и труположениями.

Первые раскопки курганов раннего железного века (II–IV вв. н. э.) были начаты уже в конце XIX в. [1, S. 25–26; 2, с. 92–116]. К 1930 г. число систематически исследованных памятников возросло, прослежены характерные черты погребального обряда. Уже к этому времени на территории распространения курганов с каменным венцом у основания выявлены две группы памятников, близких по погребальному обряду и материальной культуре: западная — в юго-восточной Курземе и Земгале и восточная — по берегам Даугавы в восточной Видземе, Латгале и Аугшземе [3, S. 43–48]. Сходство внешнего вида и изделий материальной культуры памятников восточной группы привело к тому, что в 30-х гг. в археологической литературе она стала фигурировать под общим названием „погребальные памятники латгалов” [4, lpp. 24–31].

Против этого положения выступил археолог Ф. Якобсон. Основываясь на имеющихся в то время материалах и под влиянием высказываний видного литовского языковеда К. Буги, он пытался обосновать появление латгалов на территории Латвии только в VII–VIII вв. [5, lpp. 2–10]. Свои выводы он подкрепил появлением среди сопровождающих погребения вещей новых, ранее неизвестных форм изделий, не являющихся дальнейшим развитием форм раннего железного века и связанных с хорошо известными формами изделий из могильников латгалов VII–VIII вв. Позже к нему присоединился Э. Штурмс [6].

Х. Моора возразил [7, S. 667–668], указывая, что некоторые формы изделий все же связывают культурные явления раннего железного века со средним. Он охарактеризовал весь восточный массив курганов в совокупности, не разграничивая памятников селов и латгалов. Позже в работах советского периода культура курганных могильников восточной Латвии раннего железного века была им обозначена как латгало-селонские памятники [8, с. 6–22].

На существовавших в 30-е гг. картах распространения археологиче-